

— Господин, давайте бежим под покровом ночи! — Сухэ едва успел запереть ворота, как из него посыпались гневные речи. — Им плевать, выживете вы или нет, так почему вы должны жертвовать собой ради них? Пусть нас казнят, зато мы заберем их с собой в могилу!

— Не говори чепухи. Здесь жизни десятков людей. К тому же, в родовом храме покоится поминальная табличка моей матери. Считаю, что этим я возвращаю долг за годы, что меня кормили и растили, — тихо отозвался Линь Чжаочжао. — Видно, такова моя доля. Я принимаю её.

— Вы серьезно? Неужели вы правда отправитесь в эти дикие земли Сюэди, чтобы выйти замуж за их жестокого вождя? — глаза Сухэ снова наполнились слезами.

В столице Яньцин каждый знал стихи о его сестре: «Дочь Линь из южного квартала, прекрасней в мире не сыскать. Лик её — чистая яшма, затмевает она всех красавиц». Линь Чучу была признана «первой красавицей Великой Ся». Пороги их дома обивали толпы женихов еще до того, как ей исполнилось шестнадцать. Но она ждала суженого, а дождалась императорского указа о «хэцин» — мире через брак.

Чучу не пожелала покинуть родные края ради жизни с «волками-варварами» и сбежала с любовником, оставив лишь прощальное письмо, где грезил о свободе среди лесов и рек. Семья Линь пришла в ужас: за обман императора им грозила казнь всего рода. К счастью, Линь Чучу была не единственной красавицей в семье — её единокровный брат, рожденный от наложницы, обладал внешностью еще более утонченной. В отчаянии они решили: пан или пропал — Линь Чжаочжао переоденут в женское платье и выдадут за сестру.

В прошлой жизни Чжаочжао сопротивлялся до последнего. Он годами корпел над книгами, мечтая сдать экзамены и прославить имя покойной матери. Мысль о том, чтобы стать «женой» другого мужчины, казалась ему верхом позора. А уж когда заговорили о Сюйлегеэре — «степном боге смерти», который, по слухам, волочил тела врагов за конем сотни ли — Чжаочжао едва не наложил на себя руки. Лишь когда отец принес табличку его матери и встал перед ним на колени, он сдался.

— Я всё решил, — повторил Линь Чжаочжао.

— Раз так, — Сухэ шмыгнул носом, — то я пойду за вами хоть в огонь, хоть в воду. Отдыхайте, господин, я соберу вещи.

Чжаочжао не стал его отговаривать. Сухэ был сиротой, которого подобрала его мать, и ближе него у Чжаочжао никого не было.

В эту ночь он не мог сомкнуть глаз. Стоило векам опуститься, как в ушах раздавался голос Сюйлегеэра: «Если бы я знал, что ты возненавидишь меня...»

Линь Чжаочжао больше не мог лгать самому себе: он никогда не ненавидел этого человека по-настоящему. За десять лет брака Сюйлегеэр ни разу не обидел его. Всё лучшее, что было в

степи — еда, ткани, украшения — доставалось прежде всего Чжаочжао. Вождь пытался загладить вину, пытался угодить, но Чжаочжао, ослепленный обидой, притворялся, что не замечает этого.

Теперь, получив второй шанс, он смотрел на прошлое иначе. Сюйлегеэр был владыкой степей, а кем был он? Пленным иноверцем, подменной невестой, который годами не желал даже слова молвить в сторону мужа. Терпению этого мужчины можно было только удивляться.

В сердце Чжаочжао кольнуло. Он вдруг очень захотел узнать: что же именно вождь называл тогда «неволей»?

— Госпожа Линь, свита для сопровождения уже у ворот! — раздался за дверью визгливый голос евнуха.

— Уже? Разве мы не должны сначала ехать во дворец на торжественную церемонию? — нахмурился Сухэ.

— Поступил приказ: вождь варваров велел опустить формальности. Празднество устроят уже в землях Сюэди, — ответил слуга. — Поторопитесь.

— Благодарю за весть, — отозвался Чжаочжао, слегка меняя голос на более высокий. — Мы готовы.

— Что этот Сюйлегеэр о себе возомнил? — проворчал Сухэ. — Ни встречи по правилам, ни обряда. Неужели мы для него ничего не значим?

— Церемония Ся — это наши обычаи, — спокойно ответил Чжаочжао. Он знал, что так будет, ведь всё повторялось в точности. — Сюйлегеэр — глава семидесяти двух племен, он хочет, чтобы всё было по законам степи.

— Он просто нас ни во что не ставит! — процедил Сухэ.

Линь Чжаочжао накинул на голову тяжелое красное покрывало, расшитое золотыми нитями.

— Империя хочет выслужиться перед ним, а мы — лишь подданные. Идем, Сухэ. У каждой горы есть тропа, а у каждой беды — решение.

В сопровождении Сухэ и свахи Чжаочжао вышел из дома. Под красным шелком он не видел лиц тех, кто пришел его проводить, но слышал, что всё семейство Линь в сборе. Чжаочжао не чувствовал ни печали, ни тоски. Он знал: никто из них не пришел сюда из любви к нему.

«Матушка, я ухожу», — прошептал он про себя, переступая порог. С этого мига связь с домом Линь была разорвана навсегда.

Гремели хлопушки, били барабаны, и праздничная музыка оглашала улицы Яньцзина. За годы войн столица давно не видела такого торжества. Толпы людей теснились у дорог, а балконы

чайных были забиты господами с веерами, желающими хоть краем глаза увидеть «первую красавицу».

— Какая жалость! Такая красота — и какому-то дикарю под ноги, — сокрушались одни.

— Считай, пропала девка. Сюйлегезр её живьем съест, — вторили другие.

— А вы видели тех варваров? Ростом в девять чи, в плечах — косая сажень, лица лютые, ровно у лесных оборотней!

Слыша эти разговоры, Линь Чжаочжао лишь крепче сжимал пальцы. Он не был «первой красавицей», но волнение его было не меньше. Сердце колотилось в груди, готовое выпрыгнуть. Он не знал, как вести себя с Сюйлегезром при первой встрече. Он знал лишь одно: он должен измениться. Он больше не позволит этому человеку угаснуть от горя из-за него.

Вдруг паланкин резко опустился на землю.

— Госпожа Линь, мы на заставе. Пора пересаживаться, — прошептала сваха.

Чжаочжао с трудом выбрался из тесного паланкина. Женские туфельки, хоть и перешитые под его размер, нещадно терли ноги. Стоило ему сделать шаг, как резкий осенний ветер сорвал с него красное покрывало.

Мир вокруг замер. Линь Чжаочжао стоял посреди заставы, открытый всем ветрам и взглядам. Сотни глаз уставились на него, включая человека на вороном коне неподалеку.

— Так это Линь Чучу? И впрямь — затмевает луну и стыдит цветы... — пронесся шепот по толпе.

Чжаочжао оцепенел. В панике, боясь, что его обман раскроется, он увидел знакомый силуэт. Привычка десяти лет взяла верх, и слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать:

— Дикарь, чего стоишь? Иди и заberi меня!

Голос его дрогнул, и Чжаочжао тут же похолодел от ужаса. Это была их первая встреча. Он — подменная невеста, присланная для умиротворения врага, и он смеет так нагло командовать вождем великого народа? За такое лишение головы было самым легким наказанием.

Толпа ахнула. Сваха едва не лишилась чувств.

— Тпру! — раздался низкий голос.

Черный конь замер. На глазах у изумленной публики «степной бог смерти» спрыгнул с седла и твердой походкой направился к Линь Чжаочжао.

<http://bllate.org/book/13696/1441212>